

Куцаева Марина Васильевна

канд. филол. наук, научный сотрудник

ФГБУН «Институт языкознания Российской академии наук»

г. Москва

МЕЖПОКОЛЕННАЯ ПЕРЕДАЧА ЭТНИЧЕСКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ЧУВАШСКОЙ ДИАСПОРЫ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА

***Аннотация:** в статье приводятся результаты социолингвистического обследования, проведенного автором в чувашской диаспоре московского региона. Дисперсное проживание этнической группы влечет за собой проблему сохранения этнического языка и его межпоколенной передачи. В московском регионе респондентами в выборке, как правило, калькируются модели языкового поведения, распространенные в городской среде в Чувашской Республике: чувашский язык используется во внутрисемейной сфере в символической и эмпатической функциях и главным образом – в качестве тайного языка между родителями. Ответственность в вопросе овладения детьми чувашским перекладывается респондентами на чувашскую деревню и на самостоятельные усилия детей в этом направлении. Однако в контексте полилингвального пространства московского региона языковая лояльность респондентов, особенно представителей молодого поколения, к чувашскому языку заметно возрастает, что в некоторой степени повышает вероятность языковой трансмиссии в будущем.*

***Ключевые слова:** чувашский язык, этнический язык, диаспора, московский регион, языковая трансмиссия.*

Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г., численность чувашей в Российской Федерации составила 1435872 чел. [5]. Чуваши являются титульным этносом в Чувашской Республике (67,7% жителей от общего населения в республике являются чувашами), однако они составляют лишь 56,7% от численности всех чувашей. Таким образом, за пределами административных границ республики проживает 43,3% чувашского этноса, как компактно в

Среднем Поволжье, традиционной территории расселения чувашского этноса, так и дисперсно во многих других регионах страны [13, с. 825–826], где чувашаи образуют внутреннюю диаспору [10, с. 57].

Дисперсное проживание представителей этнической группы за пределами основного места компактного расселения этноса в условиях иноязычного окружения неизбежно и со всей очевидностью влечет за собой проблему сохранения и межпоколенной передачи этнического языка.

Социолингвистическое обследование проводилось в Москве и Московской области в диаспорной среде московских чувашей (согласно Всероссийской переписи населения 2010 года, в московском регионе проживает 14 866 чувашей в Москве и 12 466 чувашей в Московской области [5]) в течение двух с половиной лет, с августа 2014 года по февраль 2017 года. Выборка (Генеральная совокупность – множество всех индивидов, являющихся объектом социолингвистического анализа, тех, для кого будут справедливы выявленные в ходе исследования свойства [3, с. 559]. В случаях, когда вся генеральная совокупность трудно обозрима, исследователи прибегают к отбору некоторых типичных представителей генеральной совокупности, формируют выборочную совокупность. В отношении изучаемых явлений выборка должна быть репрезентативной для всей генеральной совокупности [4, с. 203]) включает 100 человек, которые родились в семьях, где оба или один из родителей чувашаи, и которые идентифицируют себя как этнические чувашаи. 85 опрошенных принадлежат первому поколению (родились в Чувашской Республике или в местах компактного проживания чувашского этноса – в Татарстане и в Ульяновской области), 15 человек – второму поколению, родились в московском регионе.

Одним из аспектов изучения была языковая лояльность, под которой понимается положительное отношение к языку, престиж и статус языка [14, с. 81], способность носителей языка противостоять давлению со стороны более мощных языков и сохранять использование своего языка [12, с. 294]. Респондентам, имеющим детей (58 человек в выборке в первом поколении), в частности, был

задан вопрос о том, какие языки понадобятся, по их мнению, детям в будущем. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1

Язык/языки	20–30	31–40	41–50	51–60	61– 84
Русский		7, 1%	10%	39%	79%
Русский и чувашский		14,2%	30%	22%	7%
Русский и английский	100%	28,5%	40%	28%	7%
Русский, чувашский, английский и другие иностранные языки		50, 2%	20%	11%	7%

В самых старших когортах наблюдается доминирование русского языка. В представлении лиц старше 60 лет русский язык является единственно необходимым для жизни (79%). Объясняется это не только длительным проживанием респондентов вдали от малой родины и их возможной ассимиляцией (в силу этнически смешанного брака, например), но и господствующими в советское время установками на стирание национальных границ и превращения советских людей в мощный суперэтнос, когда «русский язык и русская письменность становились орудием социалистического строительства для всех народов, орудием, помогающим скорейшему осуществлению социализма, формой межнационального общения» [6, с. 87].

В средних когортах появляется вариант английского языка. В целом, в выборке наблюдается движение от одноязычия (в старшей когорте) к идее двуязычия (когорты 41–50, 51–60) и даже многоязычия (русский, чувашский, английский и другие иностранные языки) в возрастной группе от 30 лет. В самой младшей когорте ввиду довольно юного возраста респондентов лишь у нескольких опрошенных имеются дети; однако, если учесть данные, полученные в ходе опроса всех респондентов в выборке, входящих в когорту 21–30 (17 человек), станет очевидно, что чувашский язык в данной возрастной группе также оценивается довольно высоко и вариант русского как единственно важного для жизни респондентами даже не рассматривался (табл. 2).

Язык/языки	20–30 лет
Русский	
Русский и чувашский	12%
Русский и английский	47%
Русский, чувашский, английский и другие иностранные языки	41%

При этом стоит отметить, что в данной когорте, при достаточно положительном отношении современной молодежи к этническому языку (что является в том числе и следствием языковой политики последних десятилетий по продвижению в республике чувашского языка), представления респондентов не лишены, с одной стороны, момента идеализации, с другой, – предрассудков. *«Чувашский, русский, английский, немецкий, я думаю, у моих детей чувашский точно будет. Вот рождается ребенок, и я думаю, что до трех лет он в любом случае будет в семье, да? В семье он в любом случае будет разговаривать на чувашском. Затем планируется то, что будем работать и я, и жена. Будет нянька. Нянька, естественно, будет русской».*

– Почему естественно?

– Ну потому что сложно, наверное, найти из Чувашии няньку! Здесь. Но почему-то нянька должна быть русской, чтобы у него уже... Потому что нянька разговаривает на русском, потому что она не знает чувашского языка, с ним. А мы разговариваем с ним по-чувашски» (Е. С., 31).

Для чего же, по мысли респондентов, их детям нужен чувашский язык? Приведем некоторые выдержки из бесед. *«А чувашский он нужен чтобы знать, поддерживать свои традиции, корни знать. Как бы для культурного роста дальше, чтобы человек знал свои корни и свой язык»* (Татьяна Т., 36), *«Ну родной язык родителей, конечно, тоже надо знать»* (Татьяна Ю., 33), *«Потому что любой язык – это целый мир»* (Владимир Н., 58). *«Потому что, как говорится, кто свой родной язык забывает, тот мертвый человек»* (Вячеслав У., 60).

При этом, как предполагается, дети изучат чувашский язык следующим образом: *«ознакомительно», «не как основной», «без усилий» со стороны респондентов. Часто доводилось слышать от респондентов, что овладение чувашским будет у детей «самостоятельно», «самовольно», «мы этому не учим, они сами», «да ради Бога, пусть учат», «ну если он захочет», «вот исполнится ему восемнадцать лет, пусть сам выбирает», «этому не научишь, этому не заставишь». Кроме того, выяснилось, что «наши успехи здесь совсем не зависят, не связаны с нашими усилиями в этом направлении, это происходит совершенно естественным образом», «Если захочет человек учиться, корни узнать – все равно научится» (Анна М., 65).*

Освоение детьми чувашского языка в понимании респондентов напрямую связано с посещением ими чувашской деревни, как правило, летом. *«Для детей чувашский – ну ... они поживут в деревне и все познают»* (Василий П., 39). Причем, по мнению респондентов, степень освоения этнического языка коррелирует с длительностью пребывания, погружения в языковую среду. *«Если бы мы дольше оставались, они бы больше знали»*, – нередко констатировали респонденты в нашей выборке.

В чувашской деревне, по мнению самих респондентов, общение на чувашском возможно для детей либо со старшими родственниками, либо со сверстниками. *«Я бы чувашского больше знал, если бы бабушка была жива»*, – с сожалением отмечали некоторые респонденты. *«Старшая дочь ездила в деревню к бабушке, а младшая практически совсем никогда, потому что мамы моей потом не стало»* (Валентина С., 62). Однако и тот факт, что старшие родственники живы, не гарантирует, к сожалению, трансмиссии этнического языка. *«У меня два сына, они в Москве родились. Ну вот старший знает и чувашский тоже. Говорит, с бабушкой разговаривает по-чувашски. На это все так вот... средне. То есть вот он понимает, как бабушка разговаривает»* (Г. С., 51). В других случаях старшие родственники вообще предпочитают сразу переходить на русский язык, поскольку относятся к «московским» внукам, как когда-то их собственные родители относились к своим «городским» чувашским внукам:

«Да, еще папина мама, бабушка, с нами тоже разговаривала всегда на русском. Она хотя и чувашка. Но потому что со своими другими внуками, из Чебоксар, она по-русски разговаривала и с нами тоже, потому что не делила нас как бы» (Татьяна Т., 36). Что касается общения с деревенскими детьми, то, по признанию респондентов, дети из диаспоры скорее становятся очагом распространения русского языка в чувашской деревне и транслируют русскую культуру: *«Благодаря мне дочь маминой подруги выучила русский язык в совершенстве»* (Анна А., 40) [7, с. 187–190].

Таким образом, складывается ситуация, когда ответственность в вопросе межпоколенной передачи этнического языка априори снимается с самих респондентов и перекладывается, с одной стороны, на чувашскую деревню (как на неисчерпаемую житницу, вечно доставляющую новые поколения чувашеговорящих [1, с. 74], с другой стороны, на самого ребенка, который, как предполагается, «сам» каким-то образом освоит язык, возможно, и в чувашской деревне. А если и случится, что *«младшие дети вернутся из деревни и будут по-чувашски говорить, то я буду, как говорится, больше рад за бабушек и дедушек. Что они привили это... ну, чувашский язык»* (Василий П., 39).

В свою очередь, дети, находясь в чувашской деревне, действительно проявляют интерес к языку. Об этом говорили и сами респонденты. *«Что самое интересное, конечно, у них какой-то интерес был, когда они к бабушке с дедушкой приезжали, чего-то там спрашивали. Но это было на таком уровне, что... несерьезно!»* (Ольга Б., 55). *«И они, конечно, там чуть-чуть тоже были заинтересованы в чувашском языке. Особенно сын. Он у меня даже тетрадь завел, он писал, вот бабушка ему все слова говорила. Бабушка его обучала чувашскому языку, и у него по сегодняшний день сохранилась эта тетрадь, да. У мамы же дача была, так он весь забор чувашским языком исписал!»* (Анатолий Г., 73). *«И летом вот дети приезжали и это... у матери спрашивали, как, что!»* (Зоя А., 58). *«Чувашский язык они не хотели... ну иногда спрашивали, как это переводится по-чувашски. Но дальше этого не пошло»* (Вячеслав У., 60).

Самое удивительное, что зачастую интерес и любопытство, которое проявлял ребенок, встречали безразличие и даже сопротивление со стороны родителей. *«Ну я, конечно, не хотела, чтобы они чувашский язык знали. Нет, не хотела. Не знаю, почему. Ну, конечно, когда к бабушке они ездили. Ванька вот. Дочь-то очень редко ездила. Ну... все равно... Ванька говорит мне иногда: «Учи меня свой язык!»». – «А он тебе нужен, этот чувашский язык?». Конечно, зачем язык-то ломать! Бабушка с ним на чувашском разговаривала, ну у меня он разговаривать-то не разговаривал, но смысл понимал. Ну вот бабушка у меня разговаривала на чувашском языке. Ну и у брата дети были, они Ваньке моему и переводили. Ну, только раньше сын про чувашский язык спрашивал. Сейчас уже не спрашивает»* (Роза О., 45).

В итоге, «в сухом остатке», по признанию респондентов, дети владеют основами счета на чувашском языке (*«Старшая в деревне овец считала с бабушкой»*) (Татьяна А., 40), знают отдельные слова (*«Вот она знает «я тебя люблю», а вот «кошка», «собака» – пока не знает»*) (Наталья С., 32), *«Пару фраз, «спокойной ночи», например»* (Анатолий Г., 73), *«Матом научились. Открой дверь. Кушать хочу. Летом в деревне»* (Лилия Щ., 47), *«Он как летом на каникулы, он понимает, говорит какие-то слова на бытовом уровне. Ну там... подай, покушать»* (Эльвира, 37), *«Чувашский у них слабенький. Старший понимает что-то. Разговорную речь. Типа подай-принеси. В игре какие-то моменты. Но интереса у него особого к этому нет. Обходятся русским»* (Татьяна Ю., 33). В общем, можно сказать, что *«с чувашским из деревни они не возвращались»* (Вячеслав У., 60).

Что касается функционирования чувашского языка непосредственно в диаспоре московского региона, необходимо отметить следующее. Модели языкового поведения респондентов, состоящих в браке, обусловлены этнической принадлежностью супруга. В том случае, если супруг является русским, общение происходит на русском языке (при этом, очевидно, чаще всего подразумевался русскоговорящий: например, в нескольких случаях в выборке респондентами было заявлено о том, что супруг – русский, а потом уточнено: *«ну он у ме-*

ня вообще-то мордвин»). Если супруг респондента – этнический чуваш, общение на чувашском, по свидетельству респондентов, возможно и в условиях диаспорного проживания. *«Везде же в Москве русский, но вот дома мы по-чувашски»*, – нередко доводилось слышать от респондентов в ходе обследования. *«Жена у меня с Красночетайского района. В Москве у нас дома – чувашский, а так, в общественных местах, русский»* (Николай Д., 57).

Что же на самом деле имеют в виду респонденты, когда заявляют о том, что *«вот дома-то мы по-чувашски»*?

Во-первых, чувашский используется ими в эмпатической функции, в форме шутки, обращенной к супругу с целью вызвать эмоциональный отклик у собеседника. *«С мужем чаще на русском языке, но иногда бывает в шутку и на чувашском языке. В шуточной форме. У меня муж любит в шутку называть меня карчак! Мол, моя жена, моя старушка! Это слово мне не нравится, но ему это нравится!»* (Маргарита, 43).

Во-вторых, на чувашском респондентам бывает проще выразить и другие, в том числе негативные, эмоции. *«Дома – чувашский, это если с мужем – чувашский, ругаемся на чувашском!»* (Ольга Т., 32).

Кроме того, чувашский язык звучит в чувашских семьях и за праздничным столом, когда исполняются песни на родном языке. *«Супруга со мной тоже уехала, сейчас мы разговариваем на русском языке. По-чувашски и сейчас разговариваем, бывает. В праздники. Вот Масленицу, Восьмое марта отмечаем. Песню пою, объявляю гостям, то спою песню на древнем языке наших родичей. «А что за язык?» – спрашивают. А я говорю: «Послушайте!»* (В. И., 65).

Однако в целом, как показали результаты обследований, чувашский употребляется респондентами в семейно-бытовой сфере общения в качестве тайного языка. Сюда же относятся и шутки, которые респонденты, чаще мужчины в выборке, отпускают в адрес своих жен. Чувашский, который используется респондентами в качестве тайного языка, оказывается, кроме того, очень удобным: при детях можно обсудить важные, «взрослые» темы, скрыть что-то от своих детей, о чем-то «умолчать»; в определенный момент разговора, который

ведется в семье, как правило, между родителями и детьми на русском, перейти на чувашский язык. *«Дома, бывает, разговариваем на чувашском. Это плюс. Дети не поймут» (Наталья С., 32), «Где надо, то по-чувашски. Чтобы дети маленькие (внуки – прим. М.К.) не слышали! Сын наш вон три-четыре слова знает, при нем не надо что-нибудь ляпнуть! Мы при нем по-чувашски не разговариваем, он понимает!» (Петр М., 71).*

Основания для «непередачи» чувашского языка детям в диаспоре могут быть подразделены на два типа: причины общего и частного характера.

К первым относятся стереотипы и предрассудки, господствующие в обществе, назовем лишь некоторые из них: повсеместная распространенность русского языка; необходимость изучения иностранных языков; представление о том, что чувашский язык используется исключительно в пределах Чувашской Республики, более того, – в чувашской деревне; трудности при освоении ребенком одновременно двух языков; возможные сложности при изучении литературного варианта чувашского языка; в целом, низкая престижность чувашского языка (уверенность в том, что знание чувашского неизбежно окажет сильное (негативное) влияние на русский язык). *«Я как бы не вижу смысла! Общаются то все на русском, это общепринято» (Евгений С., 37), «Дальше Чувашии чувашский язык не нужен» (Ирина Л., 50), «Не думаю, что чувашский жизненно необходим» (Алексей В., 29), «А зачем детям вообще чувашский? Они что уже английский выучили, немецкий, испанский?» (Вячеслав Л., 62), «Чувашский язык – он очень тяжелый, изучать-то его. Особенно грамматика, трудно мне казалось» (Аркадий П., 51), «Чувашский язык достаточно сложный. Очень много сложных слов. Литературный сложный. Разговорный – он несложный, а литературный – сложный. Поэтому те слова, которые используются в литературе, они не укладываются в голове у ребенка – сложно. Поэтому говорить о том, чтобы он его здесь учил, вот этот язык – я бы не настаивала. И даже, наверное, сказала бы, наверное, чтобы он его не учил. Но чтобы он знал, я бы хотела. Потому что для меня это важно» (Татьяна И., 35). «Слишком тяжелый литературный язык! Девять надежей! Когда вот слово, например, пи-*

шешь – это одно. Когда разговариваешь – это другое» (Маргарина Е., 43). «Чувацкий язык им вообще не нужен! А что они будут делать с чувашским языком? Они в деревню не едут жить» (Петр М., 71). «Чувацкий? А зачем он нужен? Просто человек, который знает чувашский, он сразу обладает диалектом. Я не знаю, почему это происходит, но даже молодежь, которая хорошо знает чувашский, это сразу видно! У них такой акцент! Даже если они стараются его не показывать, это все равно заметно, когда человек знает чувашский. Вот по крайней мере я сразу определяю! Знает ли человек чувашский или нет! Вот что-то такое деревенское, я считаю, по крайней мере, в отношении чувашского языка» (Ирина О., 33).

К причинам частного характера следует отнести личный отрицательный опыт самих респондентов в прошлом. Двуязычие, по их мнению, – это тяжелое бремя: «Потому что им самим будет тяжело потом. В садике по-русски и по-чувашски. И это будет им тяжелее. Мне-то это спокойно переносить. Я говорю, я не стесняюсь ни перед руководством, ни перед кем, когда раньше работал. Сейчас я скромно работаю в государственном учреждении – на русском языке» (Василий П., 39). Другая респондентка вспомнила следующий случай из жизни: «А к чувашскому я дочь не хотела. В полтора года мы ее в деревню привезли. Она только начала по-русски разговаривать. А привезли туда, там вся деревня по-чувашски разговаривает. Бедный ребенок! Когда приехали обратно, она ни по-русски, ни по-чувашски! На три месяца ее оставили там. И ни русский, и никакой! А потом, значит, мне кто-то подсказал: «Учи ее по слогам!». Я начала ее учить. Начали ее по слогам учить. Начало говорит, а конец съедала. Потом пошли к логопеду, она меня отругала. Говорит, что не надо было ее ничему учить. Она бы сама пришла к русскому языку. Но я-то, как мы ее обратно привезли, я ее давай по слогам по-русски учить! Потом отправляли в другую деревню, где уже все по-русски разговаривают. Это деревня была другая, ближе к Новочебоксарску, там вся молодежь по-русски» (Вера А., 54).

Если предрассудки в отношении респондентов к чувашскому языку (самые общие, распространенные в обществе причины отказа от межпоколенной пере-

дачи этнического языка) можно в некоторой степени скорректировать путем проведения эффективной языковой политики в области продвижения чувашского языка [2, с. 210–211] (такая работа в Чувашской Республике проводится, респонденты отмечали неоднократно, что теперь «говорить в Чебоксарах по-чувашски уже не смешно, как бы не из деревни»), то ситуацию с отрицательным, личным опытом респондентов перебороть значительно сложнее.

Рассмотрим это на примере трех поколений чувашской семьи, проживающей в Московской области. Семья чувашей, выходцев из чувашской деревни, активно владеющих чувашским языком, переехала на постоянное место жительства в подмосковный совхоз в 1985 году с маленькими детьми, шести и двух лет. Дома некоторое время по-прежнему языком общения выступал этнический язык, вскоре дети получили направление в детский сад. В результате инцидента, произошедшего со старшей дочерью в детском саду, когда она на прогулке сообщила воспитателю на чувашском языке о том, что собирается сходить за санками домой и действительно покинула территорию детского сада («Я же ей сказала! Я как бы отпросилась, поэтому и ушла»). Родителей вызвали к заведующей. *«Дети мои там родились, потом сюда приехали. Когда родили, на чувашском все. А сейчас по-русски. Потому что когда мы сюда приехали, они в садик ходили, мне сказали: «С ними по-чувашски не разговаривать! Дети плохо разговаривают!». Ну вот, что русский язык плохо знают! Да хоть так и так, у нас же чуваш. Да я не обиделась. Ну чтоб дети хоть знали русский язык! Нет, ну сразу-то нет, конечно, не начали! Мы между собой по-чувашски, конечно! И дети тоже, особенно дочка».* (Зоя А., 58).

Постепенно языком внутрисемейного общения стал русский язык, вытеснивший чувашский. *«Когда мы поженились, по-чувашски. А теперь – по-русски. А сейчас...этот... мы вот... в последнее время по-русски раз! Раз и все! Не знаю, почему. Это вот... дети выросли когда. Нам вообще запрещали дома разговаривать по-чувашски здесь. Чтобы вот в садик ходили, ну вот чтобы... Мы общались побольше по-русски. И так незаметно. И сам я тоже, когда приехал, я сам не очень так по-русски разговаривал»* (Петр А, 59).

Дочь Татьяна призналась в беседе: *«У меня всегда русский язык – он страдал. Потому что вот скорее всего... что родители разговаривали дома, они же все-таки не с нами, а между собой разговаривали на чувашском языке. Он страдал. Русским языком у меня всегда проблемы были. Никаких неудобств, никаких стеснений никогда не было. Хотя... Но вот в школе смеялись, было такое. Ну потому что... чувашка, ха-ха-ха, хи-хи-хи... Ну потому что говорила не так, с ошибками. А какие ошибки, уже, честно, не помню. Мне кажется, читать было трудно. И вот рода вот эти... он-она, вот они идут... склонения всякие... у меня просто проблема была! Теперь уже этого нет... Это вот в колледже у меня выправилось все, все хорошо было». Тем не менее, при достаточно положительном ее отношении к чувашскому языку («чувашский мне дорог, он мне нужен»), респондентка считает, что, окажись она на месте родителей, она бы не стала разговаривать на чувашском со своими детьми. «Я бы не разговаривала на чувашском, разговаривала все-таки на русском языке. А вот попозже, чуть-чуть попозже, когда сформировался уже русский язык, ну как бы речь уже пошла, ну уж... в шесть–семь лет, тогда бы я уже разговаривала и учила. Вот так бы я сделала. И письменному языку» (Татьяна Л., 36).*

Став матерью, Татьяна разговаривает с детьми только на русском языке, на нем же общаются с внуками ее родители. Кроме того, Татьяна тщательно следит за чистотой и правильностью «русской речи» родителей. *«Из нас троих русский лучше всего знаю я, акцента больше у родителей. Но мама лучше порусски разговаривает, как-то у нее... больше без ошибок как-то. Приходится папу поправлять. И я поправляю! Это началось, наверное, когда у нас дети появились. И когда уже начали разговаривать. Чтобы дети разговаривали правильно, наши, мои дети, мы поправляли маму. И я папу поправляла, чтобы речь была все-таки. Они поддавались этому. И учились!»* (Татьяна Л., 36). Внуки, таким образом, чувашского языка не знают.

Младший брат Татьяны не владеет этническим языком, хотя в момент переезда с малой родины он понимал язык родителей. Чувашский, который в свое время выступил преградой для старшей сестры при ее социальной адаптации в

детском саду в московском регионе, стал для младшего брата совершенно чужим языком. К тому времени родители полностью перешли во внутрисемейном общении на русский язык. Живая связь поколений (к примеру, между бабушкой, проживающей в чувашской деревне и владеющей исключительно чувашским, и внуком) была прервана, фактически уступив место жестовому языку. *«Когда к бабушке в деревню ездил, это было что-то с чем-то! Один раз меня оставили одного на два месяца! И я был один с ней, и мы очень тяжело друг друга понимали. Мне было лет десять. В общем, не помню, как я там оказался. И вот я с ней там был и жестами объяснялся. Ну и пару слов там... Сук, пёлмес, кил кунта. Сук – это «нет», пёлмес – «не понимаю», кил кунта – «иди сюда». И все! Вот такие основы у меня остались, а речевые... предложения я не знал. Жестами в основном. Она по-русски не говорила. А в деревне... с мальчишками по-русски. Но было весело! А в последнее время, до ее смерти, мы общались так: я как бы ее все время обнимал, целовал. Как бы... бабушка, привет. И в основном мамка мне переводила, что она говорила. Ну это было нормально, привычно» (Алексей А., 32).*

В диаспоре во втором поколении в выборке выявлены две противоположные тенденции: с одной стороны, – в основном полное равнодушие к языку родителей, с другой стороны, – тяга к этническому языку, причем пробуждение интереса к чувашскому происходит не сразу, но по достижении определенного возраста, в силу каких-то обстоятельств. С рядом респондентов, представителей второго поколения диаспоры, мы познакомились на курсах чувашского языка в Москве [11]. *«Люди обращаются к своим корням, когда наступают трудности в жизни, тогда зов души и происходит! Моим родителям пришлось по-русски говорить уже после восьмого класса. И практически всю жизнь они разговаривали на русском как на иностранном. Ну, я примерно знаю, что это такое. Потому что сам учился во Франции. И это – я могу сказать – совсем не сахар! И поэтому они, наверное, хотели меня уберечь от этого. Все время говорили: «Учи, учи английский!». Ну и со мной по-русски разговаривали, естественно. Мне они говорили: «Не забивай себе голову лишним!». Бабушка говорила со*

мной по-чувашски постоянно, потому что она по-русски очень плохо говорила. Ну много я, конечно, не понимал, такие вот бытовые вещи. «Вкусно», «горько», «сладко». Эти слова остались со мной. Но сейчас я хожу на курсы чувашского в Москве. Вот сейчас начинается у меня чувашский. Родители теперь мне говорят: «Давай, давай, письма пиши, будешь учить так!». И так далее. Теперь они по-другому воспринимают чувашский, абсолютно. Потому что... как бы они поняли, что... того, чего я хотел, я практически добился. Может быть, еще чего-нибудь добьюсь. А чувашский не будет помехой, как для них когда-то был. Нет, я письма им не пишу, я предпочитаю общение. Когда я приезжаю в Ульяновскую область, по крайней мере стараюсь говорить. Но у меня пока плохо получается. С родителями я стараюсь на чувашском, до этого – все время на русском. Вот как мы начали здесь на курсах заниматься, так все и поменялось. Новая эпоха, скажем, началась. Год назад. Стараюсь! Но все сразу, конечно, не получается» (Андрей Ж., 49). В первом поколении в выборке также были зафиксированы случаи, когда респонденты, проживая некоторое время вдали от малой родины, по достижении определенного возраста, внезапно испытывали острую тягу к этническому языку. «На курсах я оказался... просто чувствовал какой-то дискомфорт, что не знаю чувашского языка. Ну вернее... не «не знаю»... а плохо знаю. И такого дискомфорта в молодые годы я не испытывал. Вот. То есть у меня такое после сорока началось. Корни свои узнать» (Александр М., 44).

Возможные трудности при сознательном переходе респондентов (в первом и втором поколении в выборке) на чувашский язык при внутрисемейном общении с родителями могут объясняться следующими факторами. Во-первых, неприятие со стороны родителей. «Когда после четырех лет проживания в Москве однажды вернулся домой, понял, что чрезвычайно важно говорить на чувашском. Сказал родителям, что буду исключительно на чувашском с ними общаться. Я отвоевал у родителей это право. Примерно год они сопротивлялись, а сейчас это норма у нас. В принципе, они отрицательно сначала отнеслись к этому. Сильно русифицированы, особенно мама» (А.Е., 30). Во-вторых,

при всех усилиях по изучению респондентами чувашского языка и в общем доброжелательном отношении их родителей респонденты тем не менее подчеркивали недостаточное владение этническим языком, чтобы обеспечить все потребности коммуникации: *«Родители относятся в принципе положительно. Но из-за того, что я могу говорить банальные вещи... То быстро переходим на русский, ну чтобы более... там диалог»* (Александр М., 44). В-третьих, при условии изучения этнического языка на курсах учащиеся овладевают нормами литературного чувашского языка, зачастую непонятными их родителям, носителям различных диалектов чувашского. *«При этом они мне говорят, что они сами многого в чебоксарском чувашском не понимают: когда я что-то им говорю, мы же здесь учим правильный, литературный язык»* (Андрей Ж., 49). *«Ну вот папа до сих пор говорит, что у меня очень странное произношение, и как-то, в принципе, в этом плане он не идет мне навстречу»* (Татьяна С., 27).

Наконец, самой большой проблемой является то, что при всем энтузиазме детей по изучению чувашского их родители сами не владеют этническим языком. *«Раньше дети не особо этого хотели, а сейчас дочь иногда говорит: «Мам, ну как так! Я сама из Чувашии, а чувашского языка не знаю!». У нее просыпается что-то. И сын тоже. Но мы не виноваты! Мы прожили в поселке, а там всегда по-русски!»* (Ирина Л., 50).

Многие из таких родителей в выборке, как выяснилось, – так называемые «русские чуваша» и «майры». Даже если бы они и захотели передать детям чувашский язык, они не смогли бы этого сделать в силу крайне слабого владения этническим языком. *«Ну, я с рождения говорю только на русском языке. Это мой родной язык. Я ж говорю, я только по бумаге чувашка, а вообще, конечно, меня там в Чувашии даже за чувашку-то не принимали! Меня там всегда майрой называли. «Майра» – это «русская женщина»* (Ольга Б., 55). *«Дома по-русски. Муж у меня русский чуваш. Он из города, он чувашский понимает, но разговаривает очень плохо, хотя родители его чистые чуваша, но дети их в городе выросли»* (Ирина, 44).

В ходе социолингвистического опроса автору неоднократно приходилось слышать размышления молодых респондентов в выборке, представителей первого поколения диаспоры, относительно положения чувашского языка в Чувашской Республике. *«Лично мое мнение по поводу языков: если брать Чувашию, Мордовию, Марий Эл, у нас не так принято гордиться чувашским языком, насколько я знаю. В городе это русский язык. Приехал с чувашским – это колхоз. В Татарстане, Башкирии – там наоборот люди гордятся своим языком. Они с детства даже в городах знают свой язык, а у нас как-то не принято»* (Руслан Х., 36).

Межпоколенная передача этнического языка, согласно мнению другой респондентки, является объединенными усилиями, взаимодействием семьи, школы и общества (в области языковой политики и языкового маркетинга). *«Чувашский я знала и до школы, потому что бабушка у меня говорит по-чувашски. Именно бабушка заложила, таким образом, необходимость изучения языка. В остальном, скажем так, мне не донесли, зачем мне учить язык, именно этот язык. В этом проблема.*

У меня в школе был чувашский язык, более того, три часа в неделю мы его изучали. В школе у нас было несколько языков, в том числе чувашский, с первого класса до последнего. Это была обязательная государственная программа, это был второй государственный язык в республике. В свое время я понимала это как какое-то бесполезное занятие. Мы как собаки зубрили этот текст, потом вставали и рассказывали, я даже помню этот момент! Без понимания все зубрили, потому что книжки на чувашском они даже совершенно не интересные были для детей. Поэтому, если не завлекать детей какими-то побочными методами, типа игр, сказаний, преданий... Чтобы дети хотя бы видели носителя языка, хотя бы бабушку из деревни пригласить, чтобы видели они, что на нем еще разговаривают! Чтобы видели они, что связь поколений какая-то существует!

Мне кажется, в плане языка всегда здорово, когда ты можешь выучить язык, но тут ключевой момент – лично для меня – что это средство, которым

ты можешь коммуницировать. Я, например, учила латынь, латынь я тоже знаю, но это не средство, которым я могу коммуницировать, то есть я могу рецепты прочитать, но это не штука, которой ты коммуницируешь, поэтому он у тебя будет вымирать. Если нужно, ты откроешь словарь, но это не язык, на котором ты разговариваешь. Он умер. В этом причина умерших языков. То же самое происходит, мне кажется, с национальным языком. Если его не позиционировать как что-то, чем ты можешь гордиться или что-то самобытное и уникальное, как что-то, что тебе хотелось бы изучать, хотя бы с позиций самобытности и отличия, тогда этот язык просто умрет, потому что на нем просто никто не разговаривает. Он всегда, даже в городах, отходит на второй план, потому что все говорят на русском. Кстати, вот мои друзья в Турцию ездили и сказали, что они тоже там что-то понимают! Может, если с этой позиции говорить, что это не одинокий, не умирающий язык, как латынь! А что-то такое интернациональное, как английский, например! Что многие люди на нем говорят. Просто оживить идею того, что есть и другие национальности с похожими языками!» (Юлия О., 26).

В заключении отметим, что межпоколенная передача этнического языка в чувашской диаспоре московского региона достаточно слабая, чувашский язык используется во внутрисемейной сфере в символической и в эмпатической функциях и, главным образом – в качестве тайного языка между родителями с целью скрыть от детей в разговоре «неудобные» темы, таким образом респондентами калькируется ситуация с чувашским языком, распространенная в городской среде в Чувашской Республике. Ответственность в вопросе овладения детьми чувашским перекалывается респондентами на чувашскую деревню и на самостоятельные усилия детей в этом направлении.

Причины для отказа от языковой трансмиссии носят как общий, так и частный характер: респонденты, с одной стороны, не ощущают востребованности чувашского языка как в Чувашии, так и за пределами республики, чувашский имеет достаточно низкий языковой престиж, будучи ассоциированным исключительно с деревенским образом жизни. Многие респонденты в выборке

в целом являются пассивными билингвами [8; 9], поэтому даже при желании не смогут передать своим детям этнический язык, кроме отдельных фраз, таких, как *«Я тебя люблю» – это как бы пароль для другого чуваша»*.

Однако в Москве, в условиях полилингвального пространства города, стечения значительного числа людей различной этнической принадлежности (как представителей других внутренних диаспор, так и трудовых мигрантов, широко использующих свой этнический язык), а также вследствие проживания вдали от малой родины, даже те московские чуваша, языковая лояльность которых к чувашскому языку достаточно низкая, неожиданно для себя открывают ценности двуязычия. *«Знаете, что я заметила! Вот недавно, когда были на Новый год в Чебоксарах, я ощутила в первый раз за всю свою жизнь, я, когда услышала чувашскую речь, я соскучилась! По вот этой речи! Я вот реально соскучилась! Я даже когда в Москве хожу, я слышу татар, казахов, тюркскую речь, в общем. Вот ощущение внутри какой-то искренней радости, когда слышу. В эти праздники, когда свекор со свекровью разговаривали, мы у них останавливались, я прямо говорю им: «Ой, как здорово! Как хорошо, приятно слушать!». То есть все равно, на старости лет, хоть я и не старая, не зря говорят, что вот с возрастом понятие родины, малой родины, эта ностальгия начинает появляться»* (Ирина О., 33). *«Ну, чувашский (для детей), наверное, на последнем месте. Я так лично думаю, потому что... ну вот с другой стороны, например, в метро еду, кто-то разговаривает по-чувашски, я сижу, подслушиваю, но мне неприлично признаться, что я понимаю. Ну, блин, думаю, как же хорошо знать несколько языков! Ты даже поймешь, кто тебе и что тебе, о чем скажет!»* (Татьяна А., 40).

Диаспорное проживание, с одной стороны, ослабляет межпоколенную передачу этнического языка; с другой стороны, побуждает представителей чувашской диаспоры – в силу возраста, расстояния, отделяющего их от малой родины, и полилингвального пространства мегаполиса, в котором можно услышать речь на разных языках, – проявлять интерес к чувашскому языку, бережнее к нему относиться. При этом, безусловно, важно, с каким лингвистическим

багажом приезжают в столицу все новые члены чувашской диаспоры московского региона.

Список литературы

1. Алос-и-Фонт Э. Ситуация с чувашским языком у школьников старших классов крупных и средних населенных пунктов Чувашской Республики // Языки меньшинств: юридический статус и повседневные практики. Российско-французский диалог / отв. ред. и пер. с фр. Е. Филиппова. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2013. – С. 73–88.
2. Алос-и-Фонт Э. Исследование языковой ситуации в Чувашской Республике: сб. ст. / под ред. И.И. Бойко и А.В. Кузнецова. – Чебоксары: ЧГИГН, 2015. – 324 с.
3. Беликов В.И. Методические неудачи в социолингвистических опросах // Типология и теория языка: от описания к объяснению. К 60-летию А.Е. Кибрика / ред. Е.В. Рахилина, Я.Г. Тестелец. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 557–579.
4. Беликов В.И. Социолингвистика: учебник для бакалавриата и магистратуры / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2016. – 337 с.
5. Всероссийская перепись населения 2010 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 15.03.2019).
6. Исаев М.И. Социолингвистические проблемы языков народов СССР (вопросы языковой политики и языкового строительства). – М.: Высшая школа, 1982. – 166 с.
7. Куцаева М.В. Проблема сохранения чувашского языка в условиях диаспоры московского региона // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Гл. ред. Е.В. Головкин. Т. XIV. Ч. 3. I. Языковое разнообразие города / ред. В.В. Баранова, Ю.Б. Коряков, Ю.В. Мазурова; II. Varia. – СПб.: ИЛИ РАН, 2018. – С. 180–198.

8. Куцаева М.В. Количественное распределение активных и пассивных билингвов в чувашской диаспоре московского региона (I) // Вестник НГУ. – Серия: История, филология. – 2017. – Т. 16. №9: Филология. – С. 156–164.
9. Куцаева М.В. Количественное распределение активных и пассивных билингвов в чувашской диаспоре московского региона (II) // Вестник НГУ. – Серия: История, филология. – 2018. – Т. 17. №2: Филология. – С. 90–98.
10. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В.Ю. Михальченко. – М.: Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.
11. Полномочное представительство Чувашской Республики при Президенте Российской Федерации (официальный сайт) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gov.sar.ru (дата обращения: 21.01.2019.)
12. Сулейменова Э.Д. Словарь социолингвистических терминов / Э.Д. Сулейменова, Н.Ж. Шаймерденова. – Алматы, Казак университет, 2002. – 170 с.
13. Фомин Э.В. Языковая ситуация в Чувашии // Язык и общество. Энциклопедия. – М.: Азбуковник, 2016. – С. 824–833.
14. Crystal D. Language death. – Repr. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2000. – 198 с.